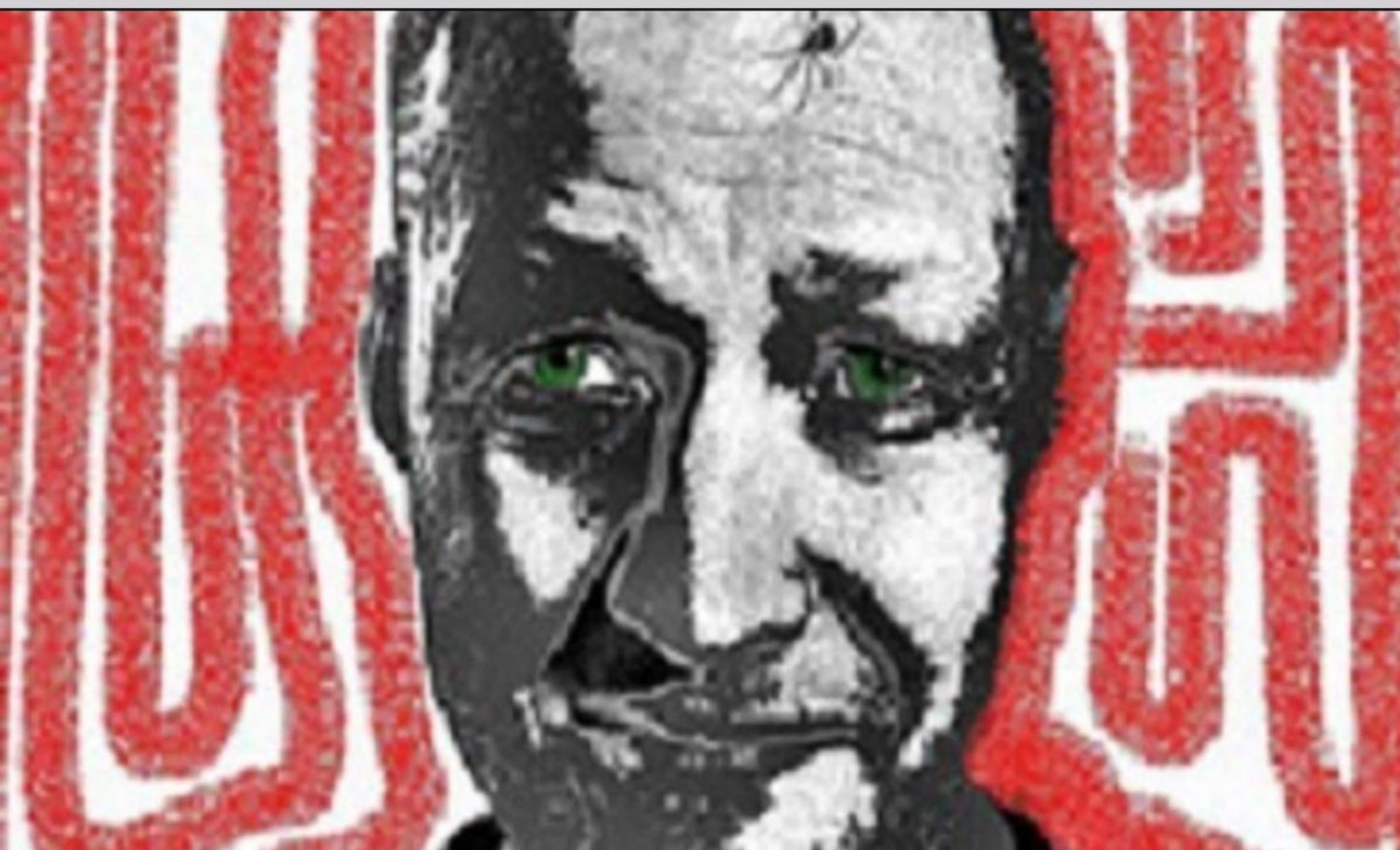

Наталья Волохина

Картинки с выставки

сборник рассказов

Наталья Волохина

**Картинки с выставки.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Волохина Н.

Картинки с выставки. Сборник рассказов / Н. Волохина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742687-3

Смешные, жесткие, сатирические рассказы из обыденной жизни о нас самих помогут вернуться к себе, лучшим, какими мы могли бы быть. Взгляд со стороны не всегда кажется беспристрастным, иногда обидным. Но иначе зачем нужны другие люди? Больше самоиронии, и двойник в зеркале доставит в реальность, где не обязательно наступать на грабли.

ISBN 978-5-44-742687-3

© Волохина Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Младшая сестра	7
Язык мой – враг мой	9
До-ре-ми-до-ре-до...	11
Берегите тело	13
Жди меня, и я вернусь	15
Нормально!	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Картинки с выставки Сборник рассказов

Наталья Волохина

© Наталья Волохина, 2018

ISBN 978-5-4474-2687-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

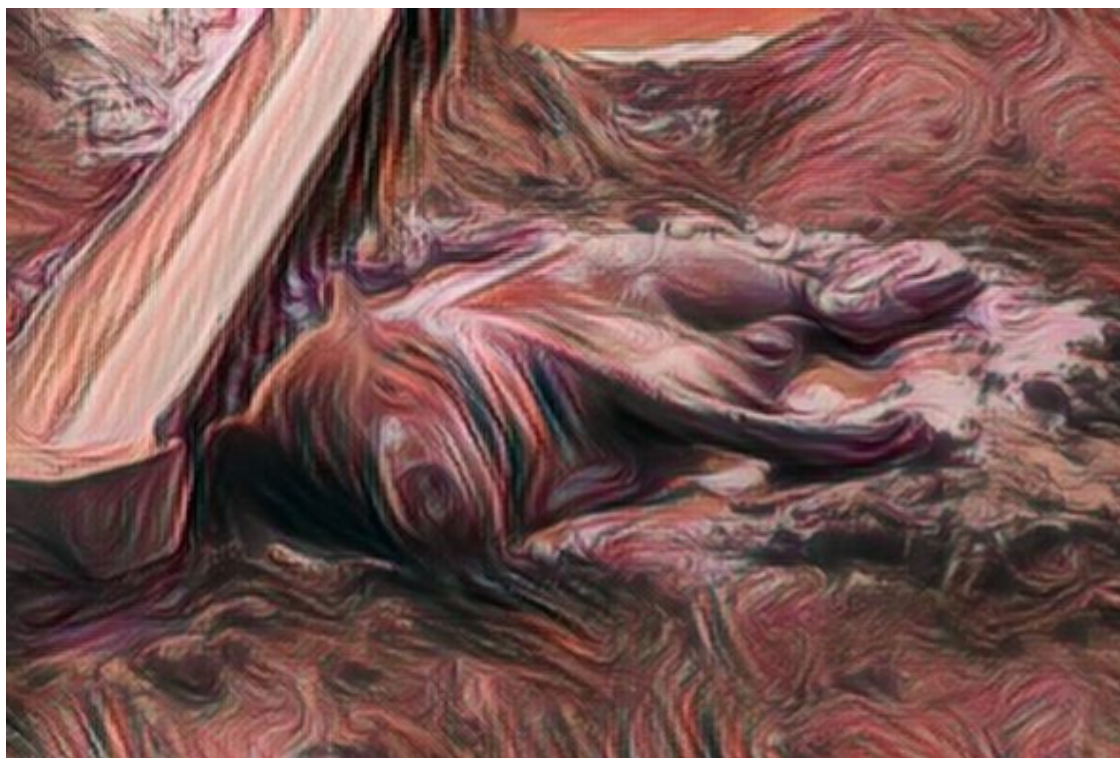
Каждую минуту социум рисует живые картинки, зеркально отражающие процессы общественного сознания. Один, узнавая в них себя, спешит привести двойника в порядок, другой не замечает или старается не обращать внимания на очевидное.

Часто мы видим в зеркале не себя реальных, а привычный, вымышленный образ, вместо скучного, недоброго, несчастного лица. Наш двойник уже давно другой человек, а мы все выдаем желаемое за действительное.

Больше самоиронии, господа! Присоединяйтесь!

Наталья Волохина

Младшая сестра

Старший брат смотрит на тебя.
(Джордж Оруэл)

Парикмахерша о чем-то эмоционально рассказывала коллеге на своем певучем языке. Дурная привычка, не ходить «по нужде» (шутка) дальше вытянутой руки, не давала мне найти приличную парикмахерскую, преодолев расстояние больше двухсот метров от дома. В обозримом пространстве находились два салона, в которых цена не соответствовала качеству (разве что, названию и антуражу) и цирюльня эконома – класса. В ней-то я и приобщалась к истокам тюркских языков. Шикарный бюст под национальным орнаментом на блузке активно вздымался, черные брови вразлет взлетали все выше, изящные ручки пытались заменить крылья и приподнять их владелицу над нами грешными. Решив, что ничего, кроме левитации, мне здесь не светит, на всякий случай, спросила: «Девочки, что случилось?». Эх! Не тот вопрос задала! Надо было про прическу спрашивать! А еще на психолога училась!

Оказалось, красавица вполне сносно говорит по-русски. Образование принесло хоть какую-то пользу, помогло уяснить, что пока она не отрефлексирует, стричься не будем. А дело было так. Привел папа сыночка стричь, велел «покороче». Девушка (давно не девушка), имеющая восемнадцать лет профессионального стажа и приличный русский, дотошно выспросила, как именно «покороче». Папа объяснил, оставил деньги и ушел. Живем мы в столице и у мальчиков на голове изыски – по бокам коротко, а на затылке длинно – «конский хвост». Пока стригли «где коротко» все шло гладко, а как дошли до «хвоста» ... На голове оказались не только растущие, но и бегающие. Обнаружив вшей, мужественная гастарбайтерша не завопила, не запаниковала, а решив, что она правильно папу поняла – надо рассадник уничтожить, сделала и сзади «покороче». Через пятнадцать минут папаша вернулся с претензиями – зачем остригли «хвост», как ребенок в «таком виде» появится на люди, в частности, в классе. Куаферша тактично, чтобы не скомпрометировать господина, намекала ему на про-

блему, но он подобно Перуну, метал громы и молнии. Причем, демонстрировал не только способность к электрическим эффектам, но и юридическую грамотность, обретенную в телесериалах, угрожая своим адвокатом. Хозяйки заведения на месте не оказалось, и бедняжка стригальщица, оставшись одна на переднем крае, решила идти на таран.

– Но у него же вши! – тихо, но твердо сказала она.

– Ну, и что?! – громко парировал папаша – Волосы-то, зачем остригать?

Узбекская логика, тем более, женская, отказала. Конечно, где ж им – дикарям, у дочек которых по сто двадцать косичек длинной до колен, считающих стыдным наличие паразитов у детей, понять страдания папаша о модной прическе вшивого славянского отпрыска.

– Волосы отрастут, это же не зубы, – растерянно выдвинула она последний аргумент, в ответ на который, папаша, выкрикнув еще пару оскорблений и угроз, освободил, наконец, помещение.

Женщина была на грани слез. Её коллега, пытаясь успокоить, рассказала недавний случай из своей практики. Молодая мамаша привела дочку, но попросила мастера выйти на улицу для «переговоров». «Может ребенок стричься боится», – решила та. Девчушка, красоты необыкновенной, жалась к матери.

– Мы хотим «каре», но у нас проблема.

– Не беспокойтесь, я умею договариваться с детьми, – успокоила парикмахер.

– Нет, вы не поняли. Посмотрите, – и мамаша раздвинула волосы на голове у ребенка.

Как выразилась очевидица, там был аншлаг.

– В аптеке продается специальное средство, можно намазать, прочесать расческой, обмотанной, нитками, и все пройдет.

Женщина молча взяла ребенка за руку и ушла.

Парикмахеры «второго сорта», имея необходимые документы, опыт, мастерство, не имеют внутренней свободы, «права», отказать людям «первого сорта», заботящимся о чистоте расы, но не о чистоте тела.

– Надо было пригрозить им сдачей в КВД или СЭС, – сказала я.

И услышала ответ «младшего брата», вернее, «сестры»:

– Если бы вы были нашей хозяйкой, вы бы их мигом на место поставили.

Даже не предполагалось, что они сами могут дать отпор «первосортным».

2015 г.

Язык мой – враг мой

Каину дай раскаянье...
И не забудь про меня
(Булат Окуджава)

В пустом зале супермаркета две азиатки в униформе протирали полки и щебетали на родном языке, должно быть, о делах житейских. В «колбасном» отделе материализовалась сарделеподобная продавщица и гаркнула из-под пергидрольной соломы на голове: «Вы почему тут разговариваете на **своем** языке?!». Девушки смолкли. «Сарделька» не унималась: «Ишь, вышли в зал и разговаривают по-своему!». Тогда одна из девчонок тихонько сказала: «Извините, пожалуйста, больше не будем».

– Sorry, is in your shop allowed to speak only russian? – обратилась я к «колбаснице».

– Чего? – через паузу ошарашенно спросила она.

– Я спрашиваю, у вас в магазине разрешено говорить только по-русски? Или русским **можно** на любом языке?

– Можно, – тупо отозвалась ку-клус-клановка.

– Вот, спасибо, тогда колбаски мне взвесьте, пожалуйста.

Я вспомнила сценку в этом же магазине пару дней назад. Две сотрудницы (славянской внешности) выкладывали товар и громко, сварливо, на русском языке, препирались по поводу, кто из них, в чем виноват. То ли в «колбасном» другая смена была, то ли менеджер глуховата, а может, сама принимала участие в дискуссии, но никого не смущало присутствие покупателей и неэтичное поведение персонала.

Мои знакомые ереванские армяне очень требовательно относятся к своему русскому языку, и, хотя грамотно, почти без акцента, говорят по-русски (и по-английски), периодически извинялись за «плохой» язык. Я решила «закрыть тему»:

– Представьте, что я в Ереване говорю по-армянски. Интересно, насколько идеально бы у меня получалось?

– Столько лет среди русских живет, а все не научится чисто говорить! – «поливала» соседа знакомая бабуля.

– А вы – сколько лет среди греков и армян живете?

– Почти всю жизнь.

– Скажите: «Цавт танем»

– Цавутаным

– Говорили вам эту фразу?

– Говорила соседка, когда помогала за мамой ухаживать. Еще говорили...

– Эх, вы, столько лет вам говорят такие хорошие слова, а вы всё не можете научиться чисто по-армянски говорить. Знаете, как переводится?

– Нет, чувствую только, что-то хорошее, успокоительное.

– Конечно – «возьму твою боль» означает.

– Ох, ты! – всплеснула старушка руками.

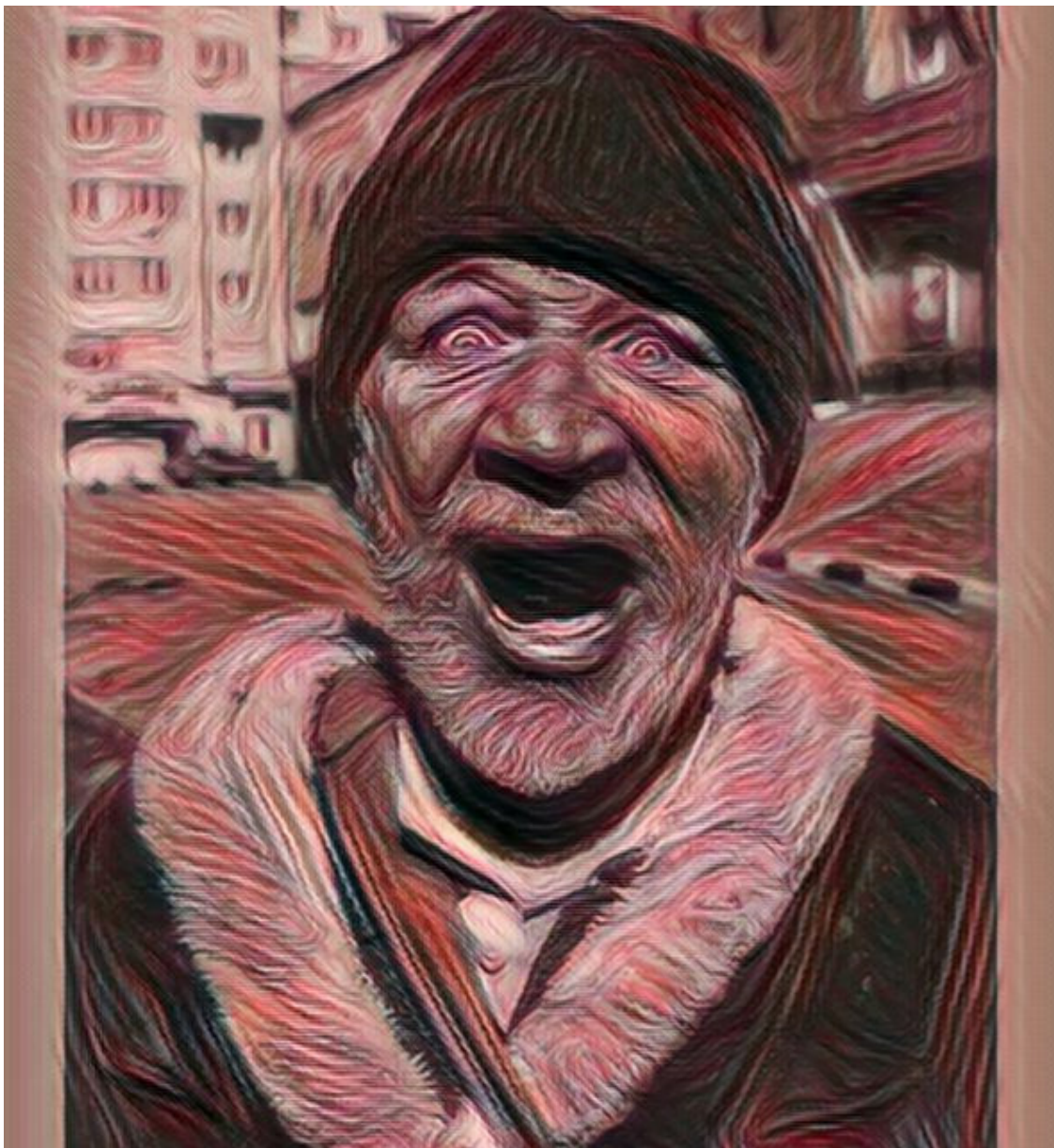
Потом вздохнула горестно:

– Грешница я! Сказано, не судите, да не судимы будете, а я языком своим дурным грешу.

– Ничего, Ивановна, главное, каетесь.

2015 г.

До-ре-ми-до-ре-до...

...Приведённые факты, говорят о том, что **сквернословие** – это одна из главных **социальных проблем** нашего общества.
(Татьяна Ишина)

Экзотические южные цветы на клумбах перед городским театром притягивали отдыхающих и местных жителей, они роились вокруг них, устраивались на вычурных скамейках сквера, жужжали каждый о своем в тени причудливо подстриженных деревьев. Мы с сынишкой тоже присели отдохнуть после репетиции. Из дверей театра выпорхнула стайка возбужденных подростков, покружила в поисках свободного местечка и опустилась рядом с нами, продолжая громко «чирикать». Через некоторое время мой лингвистичный ребенок заинтересованно спросил: «Мам, а на каком языке они говорят?». Я прислушалась. Они говорили на «нем» – великом и могучем, матерном русском языке, да так виртуозно, умудряясь не употреблять ни одного не матерного слова, что нетренированному детскому уху трудно было

уловить смысл разговора. Впрочем, я тоже с трудом понимала суть беседы. Мальчишки лет по двенадцать – тринадцать говорили громко, ничуть не смущаясь присутствием посторонних. Словарный запас, правда, был маловат, не то, что у моей знакомой доярки, умевшей обложить непослушную корову, этажей этак в пять, с упоминанием одномандатных округов, потому вариаций у пацанов получалось немного. Болтовня напоминала «бородатый» анекдот про строителей, несущих носилки с бетоном, использующих в пререканиях слова только с приставкой «ху». Но какие их годы?

– Мальчики, тут еще кто-нибудь есть, кроме вас? – спросила я. Ребята непонимающе уставились на меня.

– Если тут кто-то еще есть, то почему вы не стесняетесь **так** выражаться? – они нисколько не сконфузились, даже не сразу поняли, о чем я толкую. Хорошо хоть не послали куда подальше. А могли.

Как-то на парковой аллее я неожиданно, из – за спины, получила «по ушам» таким громким, жестким матом, что встала, как вкопанная. Кто, вы думаете, меня обогнал? Две девочки лет по десять.

На спортивной площадке мальчишки и девчонки подросткового возраста бурно обсуждали классные новости и ругались, для связки слов, не хуже наших слесарей из ЖЭКа.

В рейсовом автобусе миловидная девушка рассказывала своему приятелю в «сильных» выражениях о вчерашней вечеринке. Вокруг сидело много взрослых, некоторые с детьми на руках, и НИКТО не сказал ни слова. Когда я заметила, что ни меня, ни моего ребенка не интересует умение мадмуазели матерно выражаться, она посоветовала мне не слушать. Я заметила, что еду в общественном транспорте, а не личном авто девицы, и она уgomонилась. Народ безмолвствовал.

А как старшие могут делать замечания, если гренадерской стати мамаша громогласно, на весь бульвар, спрашивает дочку, которая росточком ей до колен, почему она медленно идет (с их-то разницей в длине ног), в таких выражениях, что покраснели бы извозчики и их лошади. Когда папа на автобусной остановке раздраженно делает выговор девятилетнему сыну, упомянув при этом интимные отношения с его матерью, заканчивая разговор предложением, двигаться в сторону школы на большой скорости, опять же с приставкой «ху». Видно, рассчитывает, что после «крепкой» взбучки дитя принесет из школы сплошные пятерки по русскому и литературе.

Я не ханжа и словарь моих нецензурностей объемный, и употребить могу в определенном месте. Не закричу тактично, ушибив молотком палец: «Ой! Больно!», но...

...Но, возможно, мы все скоро перейдем на матерный язык. Сквернословие сегодня сильно потеснило нормативную лексику, и не только в устной речи, став языком межнационального общения на постсоветском пространстве. Осталось немного до того, как мат станет официальным языком нашей страны.

2015 г.

Берегите тело

– Женщина, что ж вы так убиваетесь?!
Вы ж так не убьетесь!
(Анекдот)

Дорожка от Летнего театра, расцвеченная яркими, оригинальными фонариками, вела вдоль центральной улицы, прямо ко входу в ночной магазин. Настроение после концерта прекрасное, ноги сами несут. Ночь теплая, платье белое. В магазине по ночному времени было пусто. Отдыхающие, наконец, утомнились – разбрелись по гостиничным номерам, кафешкам, берегу. У прилавка расположились две объемные тетки, по ту сторону – пара задерганных двенадцатичасовой сменой продавщиц. Тетки покупали экзотическое варенье из грецких орехов, судя по выключенным лицам приказчиц, покупали давно.

– Можно один кефир, – обратилась я к той, что ближе.

Девушка протянула пакет, позвякала мелочью и автоматически отдала приказ:

– Десять рублей!

– Что – десять рублей?

– Дайте десять рублей, – отчеканила она голосом робота-автомата.

– Может сплясать? У меня и настроение подходящее, – девушка подняла глаза от прилавка. Поскольку ни в интонации, ни во взгляде ничего скандального не было, расслабилась. Я добродушно улыбалась, она улыbnулась в ответ на шутку.

– Нет у меня. Так что, давайте сдачу, и я пошла спать.

Мы рассчитались, я направилась к двери. Тут, замершие на время выхухоли, ожили.

– Если бы я была не так воспитана, я бы сейчас сказала, – пропела брачным голосом более крупная особь.

Она обращалась явно ко мне, я и ответила, вполне дружелюбно:

– Женщина, а вы не выламываетесь так. Сломаться же можете. Всякое бывает.

Больше всего повезло продавцам. Всё (ну, почти всё) дневное напряжение, задрюченность, распаренными на южном солнце отдыхающими, которые невозможно сбросить, перенести на клиентов, ушла, растаяла. Пока дамы осыпались, девчонки собирались. Я поняла – до утра им дожить будет гораздо легче.

Однажды, по молодости, лет в..., в общем, когда Крупская была еще девушкой, я оказалась на месте нервных дам. Жили мы под зорким оком любимой партии родной, и всякое дело двигалось только после визирования партийными старшими товарищами. Дело не терпело отлагательств, а дяденьки в серых костюмах никуда не торопились. Я позвонила в обком и попыталась все организовать.

– На месте? Минут пятнадцать ещё будет? Занесите ему на подпись, я буду через пять минут. Не забудете? Очень важно!

Получив на все вопросы утвердительный ответ, села в машину и рванула. Когда по малиновой дорожке я протанцевала к столу секретарши, в её лице меня ждала судьба.

– Подписал?

– Ой! Я подала, а он забыл. Уже уехал.

Я редко повышала голос, тем более в партийных кабинетах, но тут завывала похлеще муэдзина на минарете.

– Я же вас просила, вы же обещали!..

Текст можете додумать сами. Дама молчала. Наконец, удачно вклинившись в мой бурный монолог, невозмутимо изрекла:

– Девушка, не кричите так. Перекосить же может. Вот один мой знакомый недавно так кричал, и, представляете, перекосило.

Я поверила. Девушка говорила «без подтекста». Главное, я вмиг осознала, что ору, как дура, в публичном месте, причем, по поводу бумажек никакой ценности, для моей лично жизни, не представляющих. Ну, подпишу завтра, а перекосить-то может сегодня.

– Спасибо, девушка, – сказала я совершенно искренне.

И всю жизнь была ей потом благодарна за урок. С тех пор берегу тело.

2015 г.

Жди меня, и я вернусь

Купаться в море приятно, а ехать с пляжа – нет. Дорогу туда облегчает мысль о скором погружении в приятную прохладу, а вот обратно...

Южная маршрутка в пик сезона – раскаленная консервная банка, набитая полуголыми, потными курортниками в мокрых купальниках, с детьми и надувными плавсредствами на руках, а также «местными» в деловых костюмах, с ненавистью вззирающими на своих «кормильцев», ерзающими на влажных сиденьях, но мужественно хранящими молчание.

У меня на коленях два укупанных в хлам ребенка – свой и чужой, из пассажиров. По бокам такие же, нагруженные, мамки. Все стоячие и сидячие места заняты. Температура на улице плюс тридцать в тени. На очередной остановке входит довольно пожилой, по-осеннему одетый мужчина, с зонтом-тростью в руках. Происходит некое шевеление и в конце салона кто-то особо совестливый уступает место. Дедушка не замечает. Тогда строгая дама лет сорока пяти, в офисном платье и прическе, берет его за локоть и озвучивает направляющее движение голосом и интонацией железнодорожной проводницы времен моей юности:

– Так! Пройдите туда! Теперь садитесь! Зонтик поставьте сбоку! Справа-справа!

Дед безропотно выполняет все указания. Народ вокруг подтянулся и тоже готов на любой подвиг. Понимая, что ехать еще долго, а общего жесткого напряжения бока могут не выдержать, с улыбкой обращаюсь к «руководительнице»:

– Ишь, как он вас слушается.

– Да, – спокойно констатирует она, – я в «собесе» работаю, целый день с ними разговариваю, привыкла, они меня слушаются.

– А что, сегодня на сутках? Или рабочий день продлили?

Я явно не нападаю, не издеваюсь, и женщина неожиданно осознает ситуацию. Лицо у неё сначала разглаживается, потом лучится смешинками:

– А ведь, правда, я и с домашними так разговариваю после работы, никак отключиться не могу, просто не замечаю.

«Маршрутка» облегченно вздыхает, улыбается – жить можно, глядишь, и домой вернемся. Вернемся не помятыми ни душой, ни телом – живыми. Дома нас ждут ни в чем не повинные родные.

2015 г.

Нормально!

– Нормально, Григорий!
– Отлично, Константин!
(Михаил Жванецкий)

Маленький курортный городок можно пройти пешком вдоль и поперек. Можно, при хорошей погоде, когда никуда не торопишься или ты отдыхающий. Но если спешишь по делам, на улице сорокоградусная жара, и доехать, несмотря на пробки, быстрее, садишься в маршрутку. Поздно вечером твоя усталость тоже выбирает общественный транспорт.

На ночь глядя, я к нему и села, рядышком, на переднее сиденье. Несмотря на поздний час, центр кипел курортной жизнью. Водитель маршрутки в нарядной белой рубашке, ликом был светел и чист, будто только что встал, умылся и радостно отправился рулить. Первую часть утра он возил, без особых хлопот, «местных», на работу. Часам к десяти-одиннадцати салон наполнили приезжие, в вечерний час-пик те и другие перемешались, к ночи – сплошь курортники.

Рабочий день водителя – перевозчика похож на мусорную корзину, которая никогда не пустует, непрерывно перетряхивается, вспухает, пенится, утрамбовывается, пахнет и, что самое печальное, говорит не переставая. Шоферу суют деньги и берут сдачу, беспрестанно спрашивают, несмотря на многочисленные вывески, о стоимости проезда, допытываются о маршруте по улицам, не существующим в природе, забывая предупредить об остановке, требуют немедленно высадить «вон там» и «вот здесь», потому что «вы меня провезли» и «я проехала». К полудню водитель – славянин мрачен и молчалив, армянин нервно отвечает на некоторую часть вопросов. К шести вечера роли меняются, первый изредка, отрывисто дает ответы, второй, сдерживаясь изо всех сил, хранит молчание. К ночи абсолютно все идут вразнос и фонтанируют, исключая нецензурные выражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.